

Когда летчик унтер-офицер Георг Геншке, сын бранденбургского крестьянина, приехал с войны домой на побывку, его родная деревня уже несколько дней как стояла на голове. В день его прибытия все, что имело ноги, бежало ему навстречу, а некоторые отважные — даже и полтора часа до станции Баудах; дети и девочки-подростки сидели на вишневых деревьях, обрамлявших улицу, по которой он должен был пойти.

И вот он приехал. Вся деревня тесно окружила его, так что он едва мог вздохнуть, его мать плакала: «Георги, мой Георги!», и пастор сказал: «Помиловал нас Бог!» «Дети, — смеялся Георг Геншке, — дети, я ужасно голоден!» Тогда все расступились, чтобы тут же сформироваться в процессию, которая с достоинством повела его к столу. Стол накрыли на улице. Для деревни было честью кормить его. Насчитывалось около семи блюд, и в каждом так или иначе была свинина. Пили сладкий сок свежего урожая.

После еды, когда вино подействовало, язык у всех развязался. Осмелились обращаться к Георгу Геншке, спрашивать его, просить. «Георги, — нежно восхищалась его мать, — ты теперь умеешь летать!» «А вы нам полетаете?» — застенчиво спросила маленькая Мари. «О, — засмеялся Георг Геншке, — это так просто не получится. Для этого нужен аппарат!» «Аппарат у него в кармане, — лукаво усмехнулся пастух. — Он просто хочет нас помучить». «А аппарат надевают?» — спросила его самая младшая сестра Анна. Она вспомнила о том, как он однажды привез ей из Берлина жестяного

слоника. Сквозь его живот немилосердно проходил стержень, и если его пару раз поворачивали, слоник начинал качаться, бить хоботком о пол и вдруг, как ласка, путаными кругами бегать по комнате.

«Нет, — сказал Георг Геншке, — аппарат у меня не с собой, потому что он принадлежит государству». «Так, так, — промолвил седовласый пастух, — государство. Это тоже что-то вроде нового изобретения». «Именно так», — засмеялся Георг Геншке.

«Расскажи нам все-таки, каково летать и как этому учатся», — попросила его мать. Она так гордилась им.

Тогда Георг Геншке встал, и все встали за ним. «Хорошо, я расскажу. Слушайте!»

Он вскочил на стул. Они окружили его. Вздвинуто, подчиняясь его воле, как стадо жожаку. Они жадно подняли головы, и их глаза увидели голубое небо. А Георг Геншке вытянул руки, встряхнул ими против света, в его взгляде сверкала радость триумфатора, и когда он говорил, она пламенем вырывалась из него. Он почувствовал, что стал таким легким, что хотелось улыбаться, земля ушла у него из-под ног, руки распахнулись, как крылья, качнулись, и он орлом устремился ввысь, прямо в синеву.

Вся деревня стояла как одно существо, поднявшее тысячу своих голов к небу. И они видели, как Георг Геншке парил в эфире, спокойно и ясно, все дальше и дальше от них, пока совершенно не исчез из виду.